

III. О соревнованіи.

Студента Назарьева.

Спасть, заключающая въ себѣ описаніе страстей, есть по справедливости для насъ самая важнѣйшая и наставительнѣйшая. Удивительное вліяніе ихъ на судьбу царствъ и народовъ, и до бесконечности различныя дѣйствія и измѣненія между людьми частными — суть такія явленія въ исторіи сердца человѣческаго, которыя всегда занимали и будутъ занимать вниманіе наблюдателя Философа. Всѣ величайшіе политическіе перевороты, происхожденіе первыхъ обществъ, переходъ ихъ изъ дикости и варварства къ образованности, даже самое ихъ паденіе — были слѣдствіемъ оныхъ. Истина сія тѣмъ ощутительнѣе, что основана на самой природѣ дѣятельности человѣка; ибо душа его никогда не бываетъ столь способна къ произведенію чего-нибудь чрезвычайнаго, какъ тогда, когда приведена будучи въ необыкновенное состояніе усилія дѣйствуетъ какъ бы съ нѣкоторымъ изступленіемъ, и — въ семъ дѣйствіи забываетъ все кромѣ предмета своего. Такое состояніе души составляетъ вообще отличное свойство страстей сильныхъ, — свойство столь имъ общее во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, безъ исключенія климата, возраста и образованія. Достойно однакожь особливаго вниманія, что соревнованіе, одно только изъ всѣхъ воспламеняющихъ сильно душу человѣческую страстей, подлежитъ исключенію. Оно наиболѣе свойственно людямъ рожденнымъ съ благородною душою, и сердцемъ испол-

неннымъ чувствительности. Минута возбужденія въ человѣкѣ сей спраси — есть минута его рѣшительности на все то, къ чему онъ въ обыкновенномъ своемъ расположеніи едва дерзнулъ бы вознестись мыслію. — Одушевляясь оною устремляется онъ всѣ намѣренія и дѣйствія свои единственно къ тому, что бы отличить себя отъ людей, въ кругу которыхъ поставленъ онъ судьбою. Честь, слава, безсмертіе — вотъ кумиры имъ боготворимые, коимъ нерѣдно приносить онъ въ жертву спокойствіе и самую жизнь.

Спрасъ сѣя будучи основана на благородной гордости, честолюбіи и внутренней увѣренности въ собственныхъ дарованіяхъ никогда съ большею силою и властію не господствуетъ надъ умомъ и сердцемъ человѣка, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда соперничество оспариваетъ у него лавры преимущества, на многотрудномъ поприщѣ чести и славы; нигдѣ не обнаруживаетъ столь сильно вліянія и дѣйствія своего надъ его характеромъ, какъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ всѣ и каждый съ равномѣрнымъ жаромъ стремятся къ возможному физическому или нравственному совершенству, словомъ тамъ, гдѣ отличіе и награда не есть достояніе породы и случайности, но плодъ собственныхъ трудовъ, цѣна заслугъ личныхъ: она въ высочайшей степени воспламеняется въ сердцѣ его, и пламень сей служитъ для него свѣтильникомъ, освѣщающимъ мрачную стезю выводящую его изъ безизвѣстности.

Сердце человѣка, обладаемое въ такой степени соревнованіемъ, бываетъ способно вмѣщать въ себѣ благороднѣйшія чувствованія, и внутреннимъ, такъ сказать, голосомъ можешь внушить ему сѣи о себѣ

мысли: ты рождён для лучшей участи, ибо твои достоинства, твои дарованія даютъ тебѣ неоспоримое на то право. Стремись къ высокой цѣли назначенія твоего, и исторгни себя изъ круга людей обыкновенныхъ! безчисленные труды и опасности противуположенныя природою, людьми и ихъ предразсудками, да возбуждають въ тебѣ мужество и бодрость къ преодолѣнью оныхъ! тамъ, гдѣ кончатся они и противуборствія твоей дѣятельности, тамъ ждётъ тебя лесная жертва хвалы и удивленія! но неослабьвай среди теченія твоего, или ты померкнешь на ономъ, какъ померкаетъ метеоръ въ небесномъ пространствѣ! таковы внушенія сердца обладаемаго благороднымъ соревнованіемъ! и—если смертный слѣдуетъ сему истинному внушенію сердца; то или блистательнымъ успѣхомъ, или рѣдкими чертами опличія всегда знаменуется подвигъ его.

Ни зависть, ни бѣдность, ни презрѣніе, не могутъ тогда погасить въ немъ высокихъ сихъ чувствованій. Возбужденный оными надежнымъ и смѣлымъ взоромъ измѣряетъ онъ подлежащее пространство подвига, дабы возвыситься и воспоржествовать надъ соперникомъ своимъ:—пусть теченія его стремительны, надежда придаетъ ему крылья, и общая признательность соплетаетъ ему вѣнецъ опличія, награды.

Вотъ дѣйствіе, вотъ вліяніе благороднаго соревнованія!

И что такое былъ бы человѣкъ живущій въ обществѣ и никогда невоспламеняющійся благородными чувствованіями соревнованія? Что могъ бы онъ принять важнаго, великаго, нечувствуя въ себѣ небеснаго влеченія сей страсти? Будучи по природѣ своей существо слабое, бѣдное, онъ былъ бы всегда повторитель

обыкновенныхъ дѣйствій, подражатель общихъ законѣныхъ предразсудковъ, и дарованія и склонности его остались бы навсегда въ томъ состоянїи, въ какомъ получилъ онъ ихъ изъ рукъ природы.

Сколь многіе великіе гении, сколь многіе превосходные таланты, были бы вѣчно погружены въ пучинѣ безвѣстности, еслибъ вдохновеніе сей божественной страсти, возбуждавшее въ нихъ охоту и мужество къ подвизу трудовъ безчисленныхъ, не поставило ихъ на чреду полубоговъ. Чрезъ сію единственно сирасть благородную челоуѣкъ рожденный въ низкой долѣ можетъ сравниться съ любимцами фортуны.

Великіе люди особенно и исключительно способны бываютъ воспламеняться оною. Родясь къ произведенію необыкновенныхъ дѣяній, и будучи одарены въ высочайшей степени чувствительностію и пылкимъ характеромъ, они живо чувствуютъ свои достоинства, свои преимуществва предъ другими. Чуждое величіе, чуждыя похвалы, и чуждая слава столь сильное производятъ въ душѣ ихъ впечатлѣніе, столь глубоко проедаютъ ихъ сердце, что они нерѣдко проливаютъ о томъ слезы, что сами не могли еще ничего произвести такого, чѣмъ могли бы заслужить вниманіе общества. Таковымъ соревнованіемъ былъ пронутъ до слезъ Фемистокль, взирая на каршину представляющую Мараонскую битву, которой Милшіадъ прославился. Таковыми чувствованіями исполненъ будучи Петръ Великій, смотря на бюстъ искуснаго Министра Людовика XIV Армана Ришелье, желалъ отдать ему половину своего Государства, дабы научиться отъ него славно управлять другою!

Смотря на образъ Марафона,
Зальется Фемистокль слезой;
Арману Петръ отдастъ полпрона,
Чтобъ править научилъ другой.

Д.

Вотъ разительный примѣръ соревнованія въ душѣ
человѣческой! Уроки Исторіи тѣмъ болѣе для насъ
драгоцѣнны, что представляютъ намъ безчисленные
образцы таковыхъ примѣровъ. Великій Александръ,
завоеватель почти цѣлаго востока, еще въ дѣтствѣ
ревнуя ко славѣ и завоеваніямъ отца своего часто
жалуясь своимъ сверстникамъ говорилъ: Друзья! Фи-
липпъ совершитъ все, и намъ ничего не останется дѣ-
лать. Юлій Кесарь завидуя, что Александръ въ 30
лѣтъ произвелъ столь обширныя завоеванія, съ горе-
стію воскликнулъ: въ мои лѣта Александръ просла-
вился столь многими побѣдами, а я еще ничего не-
учинилъ такого, чрезъ чтобы имя мое извѣстно стало.

Сколь много можно бы насчитать примѣровъ
между людьми, коихъ одно благородное чувство со-
реванованія возбудило къ дѣяніямъ увѣковѣчившимъ
имена ихъ. — По крайней мѣрѣ справедливо то, что
спрашивается, будучи способна существовать подъ раз-
ными видами и примѣненіями, всегда содѣлывается
въ сердцѣ человѣческомъ зерномъ великихъ дѣяній,
если только основана будетъ на общемъ уваженіи. —

Изъ древнихъ, преимущественно Греки отличали-
сь благороднымъ соревнованіемъ. Оно было у нихъ
источникомъ дѣяній, предавшихъ безсмертію имя
сего народа. По окончаніи сраженія выставляли
предъ народомъ кости воиновъ, пожертвовавшихъ
жизнію своею за благо отечества; ихъ покрывали
цвѣтами, произносили похвальные слова симъ незаб-

веннымъ жертвамъ: простой воинъ и начальникъ получали въ семь случаѣ одинакія почести. Сіе превосходное обыкновеніе возжигало въ молодомъ воинѣ пламень соревнованія къ чести воздаваемой умершимъ за отечество; и — удивительно ли, если онъ съ мужествомъ и отважностію въ нилу сраженія презиралъ ужасы смерти, — твердо надѣясь, что за предѣломъ его жизни нѣтъ предѣла его чести, его славы!

Вообще, гдѣ память мудрости и героизма чтится великолѣпными памятниками, пріумфами, похвальными словами и увѣковѣчивающими учрежденіями, тамъ чувство соревнованія всегда производитъ мужей великихъ по всѣмъ отраслямъ общественныхъ обязанностей. И тотъ, кто способенъ позавидовать симъ почестямъ; кто хотя однажды, но совершенно, рѣшился достигнуть оныхъ, того никакіе ужасы бѣдствій, никакія угрозы противящейся судьбы, не могутъ отвратить отъ его предпріятій. — Сердцу его утѣшительно быть увѣреннымъ, что чрезъ костры, мечи и жесточайшія мученія лежитъ дорога къ безсмертію. Въ спискѣ таковымъ ревнителей человечество чтитъ своихъ героевъ; а церковь своихъ мучениковъ. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что чувство соревнованія всегда похвально, если оно оправдывается великими добродѣтелями и образцовыми произведеніями ума: но къ сожалѣнію и стыду человечества часто оно бываетъ въ обратномъ положеніи. Часто пагубный фанатизмъ есть плодъ его, а особливо если заблужденіе сердца приводитъ въ заблужденіе самой разумъ. — Войдите въ чертогъ Исторіи, и разсмотрите человѣка съ сей стороны въ разныхъ вѣкахъ, въ разныхъ климахахъ, и вы увидите, что онъ руководствуясь слѣпымъ соревнованіемъ производилъ

ужаснѣйшія злодѣянія, онъ воздвигалъ опустошительнѣйшія войны резнуя ко славѣ; преслѣдовалъ мщеніемъ до гроба мудрыхъ и добродѣтельныхъ за разномысліе о какомъ либо предметѣ.

Къ несчастію сіе ложное соревнованіе нерѣдко прикрываетъ себя покровомъ истины — слѣдовательно если вы хотите испытать, истинно ли или ложно обладаетъ оно душою вашею, примѣчайте, какое впечатлѣніе производятъ въ васъ достоинства и дарованія другихъ людей. Если вы желаете только сравниться съ соперникомъ вашимъ, или превзойти его; если вы плачете надъ его могилою: тогда вы одушевлены соревнованіемъ благороднымъ, истиннымъ; тогда стоить вамъ рѣшиться произвести что нибудь достойное васъ, и ваши труды увѣнчаются успѣхами и славою.

IV. О развитіи нравственнаго чувства.

Студента Николая Левицкаго.

О ты, священна добродѣтель!
Небесныхъ краше ты свѣтиль.
Тебя, шебя міровъ Содѣтель,
Какъ ликъ Свой намъ въ сердца вмѣстиль.
Херасковъ.

Познанія наши суть формы высочайшей душевной способносоти, — нашего ума. И умъ, не бывъ опредѣленъ, не можетъ быть ограниченъ однимъ только извѣстнымъ числомъ сихъ формъ. Онъ, подобно путешественнику, идя по безчисленнымъ пущамъ въ садахъ разнообразной природы, гдѣ все постепенно становится прелестнѣе и величественнѣе, не довольствуется наблюденіемъ первыхъ встрѣтившихся ему предметовъ, но всегда стремится далѣе, и не знаетъ усталости.

Рождающіяся познанія окрыляютъ болѣе нашъ умъ. Человѣкъ достигшій извѣстной степени образованія желаетъ съ наблюдательнымъ уже взоромъ обозрѣвать предметы его окружающіе, и находя частныя свойства и общіе законы открываетъ мудрыя устави природы, и старается пошомъ дѣлать дальнѣйшія примѣненія оныхъ къ самому себѣ. Взирая съ удовольствіемъ на нѣжной розовой отпрыскъ, заключающій въ себѣ пышной цвѣшокъ, прельщаяся самою едва разцвѣтающею розою, улыбающеюся скромно

изъ-за лепестковъ своей чашечки, удивляясь полнотѣ ея цвѣта, радующаго на согбенномъ стебелкѣ, показывающемъ совершенную зрѣлость, и наконецъ сожалея о ея опавшихъ листочкахъ, разносимыхъ холоднымъ вѣтромъ, живо представляемъ себѣ картину жизни человѣческой, — и справедливо! Я вижу здѣсь безпечное дѣтство и опытное мужество; вижу милое невинное младенчество и почтенную дряхлую старость; — вижу жизнь и разрушеніе, рожденіе и смерть. Справедливо могу заключать, что всякой возрастъ имѣетъ что нибудь отличительное опосредственно душевныхъ способностей, и что сіи способности чрезъ постепенное только развитіе достигаютъ совершенства. Такъ каждый челоѣкъ, членъ какого нибудь образованнаго общества, не вдругъ содѣлывается существомъ мыслящимъ по здравой волѣ; онъ не вдругъ достигаетъ извѣстной степени образованія, но часто проходя по неокончаннымъ еще путямъ, проложеннымъ для него предшественниками; онъ почерпаетъ знанія въ сокровищницахъ вѣковъ, и возвращаетъ занятой долгъ съ нѣкоторымъ новымъ приобрѣтеніемъ для потомковъ. — Самая образованность цѣлыхъ обществъ имѣетъ свои степени.

Искусства и руководія, родившіяся изъ ничего, усовершеншались во времени. Сколько прошло вѣковъ между тѣмъ временемъ, когда челоѣкъ былъ принужденъ раздирая землю грубымъ ошломкомъ дерева проводить слабые борозды, и между усовершенствованіемъ земледѣлія въ Англіи и Германіи? — между изобрѣтеніемъ временнаго шалаша, сложеннаго изъ сухихъ вѣтвей и перемѣняемаго съ первою непоудою, и между построеніемъ великолѣпнѣйшаго

храма въ Римѣ, чинимаго оны столѣтій; не было такого промежутка времени, въ которомъ бы умъ человѣческой не дѣйствовалъ, не изобрѣталь относительно Архитектуры.

Первое семейство, сколько бы оно ограничено ни было, есть основаніе обществъ гражданскихъ. Было время, говорить Исторія, вѣрная наблюдательница дѣяній человѣческихъ, было время, когда жестокія сердца, охладѣвшія среди непрерывныхъ ужасовъ, не знали невинныхъ удовольствій доставляемыхъ сладостнѣйшими узами согласія и дружбы; любовь и варварство были ихъ стихіею, а право и безопасность измѣрялись силою; когда необузданныя толпы неистовствовали и должны были неистовствовать, чтобы быть въ безопасности; когда грезеніе совѣсти нечувствительно было сердцамъ ихъ, незнавшимъ добра; каждый считалъ себя повелителемъ, и никто не повиновался; никто не могъ сказать увѣрительно самому себѣ: это мое и мнѣ принадлежать будетъ; — рука перваго встрѣтившагося была вооружена на его пораженіе: сила или случай давали право убивать. „Было такое для рода человѣческаго время,“ говоритъ извѣстный Англинскій философъ (*), „когда присудствіе подобнаго существа было знакомъ къ бѣдѣ.“ Но уже прошли сии неистовства. Скорое крыло времени взмахнуло, и темная завѣса древности опустилась предъ нами. Что я говорю? Еще и теперь плодоносные берега Ганга дымятся кровію проливаемою не въ браняхъ отечественныхъ, но въ междоусобныхъ, народныхъ мятежахъ, и частію въ семейственныхъ распряхъ;

(*) Фергюссонъ.

и теперь благодѣтельное, солнце со взоромъ какъ бы пламенѣющимъ отъ негодованія, взираетъ на палящіе пески Аравіи и Абиссиніи, гдѣ безначальственные толпы злодѣйствующихъ производя безчисленные разбои и ужасы, гдѣ каждый шагъ подвергаетъ отважнаго странника вновь тысячамъ тѣхъ смертей, отъ коихъ онъ избавился въ послѣднюю минуту. Такъ! — но всѣ сіи ужасныя времена были и будутъ переходомъ и содѣйствіемъ къ тому, что народы варварскіе видя свое изнеможеніе и непрочность такового существованія соединялись, и впредь мало по малу соединяясь будутъ, въ общества благоустроенныя, организованныя, гдѣ каждой нуженъ для блага *всѣхъ*, и *всѣ* обезпечивающъ *каждаго* въ его существованіи, въ его собственности; гдѣ честной земледѣлецъ можетъ весело улыбаться смотря на своихъ малютокъ — твердую опору своей старости — не страшась, чтобы завтра, а можетъ быть въ сію минуту они были отторгнуты отъ него и увлечены жестокими злодѣями, когда онъ, сидя за умѣреннымъ столомъ въ укрономъ уголкѣ своей хижины, увѣренъ, что вельможа и среди великолѣвія беспокоится о благѣ его. Но потребны вѣки, дабы общества достигли сего совершенства.

Животныя достигаютъ совершеннаго возраста, тѣлесныя и душевныя ихъ способными умножаются, а въ самомъ человѣкѣ усовершенствуются; но все съ постепенностію, хотя впрочемъ не всегда одинаково опредѣлительною. Но таковыя успѣхи человѣческаго ума не составляютъ того единственнаго удѣла, которой возвышая насъ до истиннаго достоинства приближаетъ къ единственной и общей нашей цѣли. Правда, что разпространеніе нашихъ знаній, вопреки

мнѣнію Женеваго философа,, истощившаго, какъ говорить превосходной нашъ нравоучитель (*), всю силу и стрѣлы пламеннаго краснорѣчія! и сапиры противъ наукъ и художествъ, которыя составляли удовольствіе и муку цѣлой его жизни,“ вопреки его стараніямъ — поразить ихъ рѣшительнымъ ударомъ — разпространеніе нашихъ знаній дѣлаетъ благороднѣйшимъ и возвышеннѣйшимъ существованіе наше въ обществѣ. Но неужели первообынйи челоѣкъ, незнавшій ни наукъ, ни искусствъ, ни художествъ, незнавшій сего просвѣщенія потому, что не имѣлъ нужды ихъ знаиъ, терялъ достоинство своего существованія? Неужели и теперь должно презирать челоѣка ихъ низшихъ классовъ общества, напримеръ земледѣльца, за то только, что онъ съ такою простою судитъ о предметахъ, не принадлежащихъ къ его занятіямъ? — Нѣтъ! — такъ говоришь намъ нѣкоторое внутреннее чувство. Гдѣ же тотъ способъ, которымъ облагораживается онъ наравнѣ съ сильными владыками? — Въ добродѣтели и религіи; — въ семъ неоцѣненномъ сокровищѣ, которое благодѣтельная десница всемогущаго вручаетъ всѣмъ съ такою щедростію, не взирая ни на разность племенъ, ни на разность состояній; — одѣлая онымъ всѣхъ равно, и раба и повелителя.

Нѣтъ сомнѣнія, что чувствованія сіи въ каждомъ челоѣкѣ пробуждаются постепенно. Но не такъ сіе происходило, когда посмотримъ въ цѣломъ на великолѣпной храмъ добродѣтели и религіи, обращая особенное вниманіе на ихъ начало, которое по справедливости должно быть опнесено къ счастливѣй-

(*) Муравьевъ.

тому времени прежде паденія рода человѣческаго; ибо естли начать сіе обзорѣніе со временъ варварскихъ, то увидимъ что развитіе ихъ усовершалось съ каждымъ изъ прошедшихъ вѣковъ. Но сіи высочайшія добродѣтели начально чрезъ постепенное ли развитіе достигли своего совершенства? вотъ вопросъ могущій показати все различіе; при рѣшеніи котораго основываются или на мечтательности, всегда невѣрной и обманчивой, или на божественныхъ истиннахъ высочайшаго ума — правилахъ Религіи, столь ясныхъ, столь точныхъ, признаваемыхъ и человѣкомъ едва начинающимъ углубляться въ свое собственное бытіе, и мудрецомъ перелѣтающимъ за предѣлы бренности вещей. Даже и въ то время, когда Поешь желаетъ изобразить свою истину, она не есть утѣшительна. Пусть Геній его въ минуту возторга разсѣкаетъ смѣлымъ полетомъ наднебесную твердь; пусть съ оной высоты объемлетъ собою стройную огромность блестящихъ міровъ, и собираетъ красоты небесныя, нами незнаемыя; пусть представитъ ихъ намъ въ самыхъ ясныхъ видахъ! — я читаю — небесной огнь льется въ мое сердце, я забываю свое существованіе, лечу съ Поешомъ въ безконечные предѣлы вѣчности, будущность начинаетъ мнѣ проявляться; но разумъ, сосѣдь воображенія попечительной, а слѣдовательно безпокоящейся о малѣйшемъ несходствѣ, непримѣтномъ для послѣдняго, отнимаетъ у меня крылья, и я упадаю въ прежнее свое ничтожество, среди тѣхъ же суетъ, безпокойствъ и бѣдствій. Буду ли горѣть нетерпѣніемъ повторить сей опытъ? — но неудача всегда съ нимъ соединена. Можешь быть скажешь, что мечтательность только грубаго народа не приводитъ къ сей истинѣ, а чело-

вѣкъ образованной и съ мечтательностію тѣмъ скорѣе ее достигаетъ. Но развѣ многіе изъ новѣйшихъ, впрочемъ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ людей, желавшіе основать всеобщее безначаліе, для блага всѣхъ, и бывшіе въ тайнѣ любѣйшими Егоистами, познавали сіе кроткое существо, повелѣвающее намъ жить мирно, и признавать власни сохраняющія нашу безопасность. Самолюбіе, чувство почтенное въ душахъ благородныхъ, и презрѣнное въ душахъ низкихъ, отвергало небесной промыслъ, приписывая случайному слѣпленію частицъ образованіе сего стройнаго, великолѣпнаго мірозданія. Поработившая себѣ ихъ умъ мечтательность, или иначе сказать умъ несправедливо судившій, доведшій ихъ до сей крайности, не оправдываетъ ихъ въ глазахъ каждаго здравомыслящаго; тѣмъ болѣе, когда бѣдный Ескимецъ и грубый Камчадалъ, погребенные въ своихъ снѣжныхъ норахъ, имѣютъ домашнихъ своихъ боговъ, имъ приносятся особенную пищу послѣ удачной ловли, къ нимъ обращаются молебны въ своихъ нещастіяхъ; — и они познаютъ существованіе Бога.

Но мечтатели представляютъ намъ первобытнаго человѣка съ однимъ только познаніемъ о внѣшнихъ впечатлѣніяхъ на его чувства, съ однимъ внутреннимъ побужденіемъ къ поддержанію его тѣлеснаго состава; далѣе показываютъ, что онъ мало по малу получаетъ отличительныя способности предъ прочими животными, соединяется въ общества, и тогда уже достигаетъ совершенства.

Здѣсь легко наблюдать постепенность сего усовершенствованія, если бы сіе предположеніе было справедливо. И такъ человѣкъ, по мнѣнію ихъ, былъ сперва подобенъ скопамъ, не только безъ всякаго

употребленія своихъ способностей, но и безъ нравственности. Какая ужасная мысль! гдѣ же наше достоинство, чѣмъ могу убѣдить себя, что я верхъ природы, что я звено соединяющее оную съ Творцемъ ея? что представить мнѣ страшная будущность; что остается мнѣ въ семъ мірѣ, гдѣ всякая минута будетъ новое спраданіе, и гдѣ удерживаетъ меня одна только неизвѣстность? — гдѣ наше достоинство? по чему человѣкъ, а не кровожадный шигръ, опредѣленъ существовать и дѣйствовать на моемъ мѣстѣ? Спройность тѣла, гибкость нашихъ членовъ, ловкость движеній не суть достаточныя причины къ тому, что человѣкъ можетъ обуздывать сильнаго льва, и часто для одной только своей забавы. Словомъ всѣ тѣлесныя способности человѣка, самая красота, не суть поводъ къ развитію въ насъ, а не въ комъ либо другомъ, дальнѣйшихъ душевныхъ способностей. Правда, что красота заключаетъ въ себѣ нѣкоторое божественное отпѣненіе, и можетъ быть знакомъ увѣряющимъ въ вышшемъ какомъ-то предназначеніи; но она, такъ какъ и всѣ способности тѣлесныя, образована была сообразно съ свойствами душевными человѣка. Самые сїи мечтатели, ибо имя философа споль же мало имъ прилично, какъ умъ назвать воображеніемъ—самые сїи мечтатели признаются, что человѣкъ при своемъ созданіи получилъ возможность достигнуть совершенства, или, что все равно, зерно сихъ познаній врождено было ему относительно, такъ какъ и шеперь зерно сихъ познаній бываетъ врождено всякому дышаши, въ кошоромъ мы видимъ новаго Невтона, новаго Канша, новаго Державина. Здѣсь уже измѣняя своему самолюбію признаются, что ни ошъ

самихъ себя; ни отъ слѣпаго случая, они получили сїи совершенства; что есть причина, по которой они получаютъ истинное отличіе предъ прочими произведенїями природы; что мы не слѣпымъ случаемъ брошены въ сей мїръ превратности и бѣдствїй, но что самыя сїи бѣдствїя должны питать въ насъ чувство благороднѣйшее — *я имѣю другое предназначеніе*. Наконецъ они познають, что душа есть капля того безмѣрнаго Океана чистѣйшей духовности, которой объемлетъ и соединяетъ собою всѣ существа, всѣ мїры выше видимыхъ мїровъ въ безмѣрности погруженные, и — нигдѣ не имѣетъ мѣста; познають, что всѣ наши способности и знанїя, наша добродѣтель въ семъ святѣйшемъ Существовѣ имѣють свое начало. Человѣкъ получая правильное понятїе о себѣ самомъ, познаетъ, что его достоинства приличны всему роду человѣческому, или лучше сказать, онъ приобретаетъ правильное познанїе о личности всякаго человѣка; но чтобы каждой человѣкъ, а слѣдовательно и человѣкъ первобытной, могъ исполнить свое предназначенїе, то онъ долженъ былъ познавать Всемогущаго Творца самымъ чистѣйшимъ образомъ, то есть онъ долженъ былъ имѣть высочайшее познанїе — высочайшую добродѣтель. Такъ признаются и мечтатели, когда умъ ихъ начнетъ взирать на тѣмъ ложныхъ собственныхъ сужденїй съ большимъ уже презрѣнїемъ, нежели на безчисленные предразсудки, обременяющїе сердца людей нерадующихъ познавать истины природы.

Теперь могутъ мнѣ сказать: естли всякой человѣкъ имѣетъ удѣломъ въ своей жизни исполненїе своего высочайшаго предназначенїя, а слѣдовательно и познавать побудительную къ тому причину, ибо

въ семь состоить его воля и достоинство, по по-
чему мы, проникая въ туманную отдаленность вѣ-
ковъ, видимъ ужасаясь, естли наше сердце чувстви-
тельно, злодѣйства тиранновъ пребукающихъ себѣ бо-
жескихъ почитаній; слышимъ жалобные стоны отда-
ющіеся въ поляхъ Италіи, стоны тысячъ приноси-
мыхъ въ жертву варварства. Только нѣмая природа
имъ внимаешь; — и Нероны съ адскою улыбкою на-
слаждаются достойными ихъ зрѣлищами. Мужествен-
ные Славяне, столь близкіе намъ по сердцу, прино-
сили такія же кровавыя жертвы предъ испуганомъ
Перуна, — кровь невинныхъ *Варяговъ* спруилась по
цвѣтущимъ берегамъ Кіевскимъ. Сколько мы видимъ
еще, скажутъ мнѣ, такихъ народовъ, кои вовсе не
познають вѣчнаго Существа, и такихъ изверговъ,
кои отвергають его въ озлобленіи сердець своихъ;
и при всемъ этомъ должно ли быть справедливо зак-
люченіе, что: *исполненіе высочайшаго предназначенія
есть удѣлъ всякаго*. Это не возможно! скажутъ они;
а слѣдовательно первобытной челоѣкъ шѣмъ менѣ
имѣлъ о семь сознанія.

И вотъ мой отвѣтъ: исполненіе сего предназна-
ченія врождено всякому; но не всякой оное познаетъ,
не всякой исполняетъ оное на самомъ дѣлѣ. Въ пер-
вобытномъ же, душевномъ, челоѣкѣ сѣ предназначеніе
должно быть неоспоримо по самой необходимости:
потому, что находилось еще одно только существо,
которое могло прославить святѣйшее имя своего
Творца.

Хотя Бюффонъ говоритъ, что: „природа есть
внѣшній тронъ божескаго величія, и челоѣкъ созер-
цающій и познающій ее возвышается постепенно ко
внутреннему трону божескаго всемогущества.“ Но

сколько бы ни продолжительна была жизнь перваго челоуѣка, сколько бы сердце его ни способно было чинать въ окружавшей его книгѣ величественной природы, тѣмъ болѣе поразительной въ своей юности; все однакожь дней его недостаточно бы было къ постиженію истиннѣ отвлеченнѣйшихъ, есѣли имъ не предполагать другаго начала или основанія существеннѣйшаго. Фергюсонъ говоритъ: „составы наукъ, (а слѣдовательно и всякихъ познаній), образуются постепенно: шоръ земной объѣхали исподоволь, и бышопъ: саніе прошедшаго вѣка естѣ прибавленіе къ свѣденіямъ послѣдующаго: въ семъ отношеніи Римляне знали болѣе нежели Греки.“

Добродѣтель такъ же естѣ самое высочайшее познаніе, по словамъ Афинскаго мудреца. Такъ! она естѣ познаніе истины какъ въ неодушевленной такъ и одушевленной природѣ находящейся, но пріобрѣтаемое постепенно, которое челоуѣкъ получаетъ постигая недостатки. Такъ челоуѣкъ приверженный къ своему отечеству, не по одному только стремленію къ предметамъ естественнымъ въ ономъ находящимся, но питающій любовь *моральную*, считающій свое благополучіе въ безопасности общественнаго блага, въ сохраненіи отечественныхъ постановленій, не по одному инстинкту получаетъ сѣ благороднѣйшее чувство, но представляя себѣ тѣ бѣдствія, которыми отечество его можетъ быть подвержено, не бывъ осѣнено благотворною тѣнью законовъ, — но законъ пребуеѣ исполненія и онъ остаеѣся въ числѣ исполнителей его. Такъ чадолюбивый отецъ не одними только увѣщаніями, имѣющими цѣлю исполненіе добра, научаеѣ своихъ сыновъ, — онъ заставляеѣ ихъ любить добродѣтель снимая съ порока

всѣ блестящіе покровы, привлекающіе къ себѣ молодое сердце, въ которомъ страсти владычествуютъ, а опытности нѣтъ мѣста. Исторія вводитъ въ храмъ свой молодого юношу, *юношу-Россіянина*, показываетъ ему и славу его предковъ и ужасы мятежнической власти; поднимая завѣсу древности, и указывая Царей добрыхъ: *Алексія, Петра*, взираетъ, говоритъ ему, и благоговѣй; показываетъ на Годуновыхъ, самозванцевъ, смотри, говоритъ она, — и ужасайся. — Представленіе порока въ гнусномъ видѣ — возращаетъ въ насъ чувства добродѣтельные.

Но нѣкоторое внутреннее убѣжденіе говоритъ намъ, и часто даже противъ нашей воли убѣждаетъ въ существованіи такого времени, когда дыханіе однимъ воздухомъ упитаннымъ сладостнѣйшими благоуханіями было пріятнѣе всѣхъ пищъ изобрѣтенныхъ утонченнымъ вкусомъ, и вымышленныхъ воображеніемъ Поэтовъ; гдѣ каждое дерево богатою своею зеленью, озращаемую росой, одѣвало маленькой одушевленной мѣрѣ, въ которомъ, какъ въ нѣкоторомъ священномъ храмѣ, шопотъ листьевъ сливался съ согласными гимнами пернатыхъ пѣвцовъ; гдѣ все дышало милою невинною свободою; когда человѣкъ не зналъ другихъ обязанностей кромѣ добродѣтели, тѣсно соединенной съ самымъ его существованіемъ, когда совѣсть его не пробуждалась еще; — ибо совесть есть чувствительнѣйшіе вѣсы, такъ что уклоненіе отъ первыхъ нашихъ обязанностей бываетъ замѣчено большимъ или меньшимъ безпокойствомъ въ послѣдней.

Такъ говоритъ намъ наше внутреннее признаніе, и умъ съ нимъ согласенъ. Слѣдовательно въ перво-бытномъ человѣкѣ чистѣйшая нравственность, необ-

ходимая добродѣтель, не могла образоваться чрезъ постепенное развитіе, но онъ ее долженъ былъ имѣть первоначально совершенною.

Бюффонъ описывая первого человѣка, повѣству-
ющаго о своихъ первыхъ движеніяхъ, первыхъ чув-
ствованіяхъ, первыхъ сужденіяхъ послѣ сотворенія,
конечно взиралъ — да проспитъ мнѣ безсмертный
Геній — естество-испытатель сіе выраженіе — на
развитіе чувства нравственнаго во всякомъ человѣ-
кѣ; (*) но даже и въ семъ *смыслѣ условномъ*, наблюдая
впрочемъ вѣрнѣйшую постепенность отъ чувствован-
ія произведеннаго первымъ лучемъ свѣта, до поня-
тія о верховномъ существѣ, — а не на первобышнаго
человѣка, котораго, какъ кажется, разсматривать въ
такомъ отношеніи невозможно, по причинѣ суще-
ственного различія между его природою и нашею. —
Мое слабое, ничтожное воззваніе не можешь поколе-
бать его безсмертной славы приобретенной истин-
ными достоинствами. Читая по мѣсто изъ его твое-
ренія, гдѣ онъ описываетъ, какъ зрѣлой гроздь чрезъ
легкое прикосновеніе руки опадѣвается отъ вѣтви,
и возбуждаетъ самолюбіе первого человѣка, — я воз-
хищаюсь; но возхищаюсь представляя на мѣсто
описываемаго имъ человѣка всякаго другаго человѣ-
ка, съ такимъ только условіемъ, чтобы съ пер-
вымъ открытіемъ рѣсницъ своихъ онъ приобрѣ-
талъ и совершенное познаніе, и чтобы ходъ
сей оставилъ неизгладимые слѣды въ его памяти.
Онъ почиалъ себя великимъ завоевателемъ, когда
ни война ему не была извѣстна, ни стремленіе къ

(*) J'avais saisi un de ces fruits; je m'inaginai avoir fait une conquête,
et je me glorifiais de la faculté, que je sentais de pouvoir contenir
dans ma main un être tout entier. Buffon, *Hist. nat. de l'Homme*.

приобрѣщенію предметовъ, которые онъ имѣлъ въ изобиліи. Очевидно, что сей случай есть вымыселъ очаровывающей фантазіи; и тѣмъ менѣе онъ приличенъ въ отношеніи къ первому человѣку. Скажутъ, что онъ имѣлъ уже сколько познаній, чтобы судить о предметахъ; — и такъ онъ могъ судить о предметахъ не зная самыхъ предметовъ; — что поже значить, какъ и выраженіе, сдѣлавшееся столь уже обыкновеннымъ: *одно и тоже въ одно и то же время быть и небыть можетъ!*

Правда, что чрезъ правильное познаніе природы человѣкъ можетъ достигнуть яснѣйшаго познанія о верховномъ существѣ и о самомъ себѣ, а слѣдовательно и о своихъ обязанностяхъ къ нему, то есть о добродѣтели; но и тогда изъ тьмы предрасудковъ онъ смотритъ въ глубокую древность, гдѣ блещетъ еще искра сей истины. Сколько бы изустныя преданія ни измѣнились, сколько бы понятія о Богѣ ни темны были у Пелазговъ и древнихъ Еллиновъ, которые приносили свои жертвы на холмахъ и въ лѣсахъ не имѣя ни какихъ храмовъ; но сіе одно понятіе, что *есть Богъ*, сколько бы оно ограничено ни было, было началомъ къ истиннамъ о божествѣ и о добродѣтели, которыя предлагаютъ намъ Сократъ, Платонъ и Аристотель. Разкроемъ Священное писаніе, разкроемъ не съ тѣмъ чтобы повѣрять его съ нашими слабыми сужденіями, которыя никогда сами по себѣ не достигнутъ верховнаго совершенства, но съ тѣмъ, чтобы увидѣть, приближаемся ли мы хотя сколько нибудь къ Святейшей истинѣ. Мы увидимъ, что въ предвѣчномъ непостижимомъ совѣтѣ Творецъ предназначилъ сотворить человѣка существомъ совершеннымъ по образу своему; а слѣдовательно и

воздвигая его изъ ничтожной персти одарилъ его совершенною нравственностію—образомъ божества!

Не всякъ изъ насъ можетъ достигнуть познаній Аѳинскаго мудреца; но попечительное провидѣніе указываетъ намъ на свящую Религію. Она всегда вручаетъ всякому изъ насъ, если только прибѣгаемъ къ ней, вручаетъ намъ неугасающій свѣтильникъ, возженный свѣтомъ немерцающимъ; — съ нимъ только можемъ освѣтить и разогнать темную, скрывающую отъ насъ истины непостижимыя для прѣсталаго, щеславнаго суетумудрія. Добродѣтель въ изученіи трудна; но Религія показываеъ намъ ее явственно. О святая, спасительная Религія! ты всегда кротка, всегда утѣшительна; ты прощаешь самыя мои слабости, требуя одного только обращенія. — Взглянемъ на человѣка оставляющаго міръ сей. Если онъ исполнялъ святѣйшіе твои законы, ты открываешь предъ нимъ возхитительнѣйшую будущность, и онъ въ смерти видитъ только путь ведущій его изъ ничтожества къ безсмертному началу. Воззримъ на величайшаго изъ смертныхъ, коего имя сіяетъ въ храмѣ безсмертія, воззримъ на единственный примѣръ и Царей и человѣковъ, на Августѣйшаго Императора нашего АЛЕКСАНДРА І. Сильный въ брани онъ опирался на святѣйшую Религію, на нее надѣялся болѣе нежели на увисый лаврами мечъ свой; — съ нею онъ былъ Побѣдителемъ — миротворцомъ. Неупомимый для блага нашего—отъ Религіи наставленъ управлять народомъ славнымъ, народомъ доблестнымъ, народомъ для сердца его любезнымъ, и его достойнымъ. Пусть онъ будетъ нашимъ примѣромъ, — мы будемъ добродѣтельны и счастливы.

Религія у насъ владычествуетъ, міръ процвѣ-
паетъ. О вождѣнное отечество! пламенѣя къ тебѣ
любовію дерзаю возкликать: торжествуй Россія!
Величайся! Богъ возлюбилъ тебя и Царя твоего воз-
несшаго тебя на верхъ славы.

V. Послѣднія минуты Димосеена.

(Сокращенный переводъ изъ Лукіанова похвального слова сему Оратору.)

Студента Бѣлоусова,

Антипатръ, принявши по смерти Александра правленіе въ Македоніи, отправилъ Архія, чтобы захватить Аѳинскихъ гражданъ, оставившихъ свое отечество, лишившееся свободы. Ему поручено было всѣми мѣрами стараться склонить Димосеена, бывшаго въ числѣ оныхъ гражданъ, къ добровольному прибытію изъ Калабріи въ Македонію. Антипатръ даже льстился надеждою имѣть при своемъ дворѣ сего знаменитаго Аѳинянина. Узнавъ о возвращеніи Архія немедленно повелѣлъ къ себѣ явиться, и увидѣвъ его „Радуюсь, сказалъ, твоему прибытію, ибо конечно сего же дня увижу Димосеена. *Архій* — ахъ, Государь, вошъ урна вмѣщающая прахъ его въ себѣ! *Антипатръ*. И такъ щепно я надѣялся видѣть его здѣсь! какая мнѣ польза въ костяхъ сихъ и въ урнѣ? *Архій*. Но, Государь, удержавъ душу его насильно не возможно было для меня. *Антипатръ*. Для чего не захватили вы его живаго? *Архій*. И сіе ни мало не пособило намъ удовлетворить твоему желанію. *Антипатръ*. Такъ онъ умеръ на пути! *Архій*. Нѣтъ, въ Калабріи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы нашли его! *Антипатръ*. Безъ сомнѣнія смерть его была слѣдствіемъ вашего преступнаго небреженія? *Архій*. Это

не отъ насъ зависѣло. *Антипатръ*. Я непонимаю твоей загадки; объяснись, удовлетвори скорѣ моему нестерпѣливому любопытству. *Архій*. Повинуясь твоей волѣ, впервыхъ мы употребили самыя кроткія средства, всевозможныя увѣренія въ добромъ твоёмъ къ нему расположеніи; но когда всё стараніе, всё убѣжденіе оставались тщетны, тогда нужно было принять сильнѣйшія мѣры; хотя и онѣ были безуспѣшны. *Антипатръ*. Я вижу, онъ погибъ жертвою вашей наглости! *Архій* не мы виною сего: иначе поступить намъ было не возможно. Да и чего другаго онъ могъ ожидать здѣсь, кромѣ смерти? *Ант*. Удержись, *Архій*! твои слова меня оскорбляютъ; ты, мнѣ кажется, совсѣмъ не зналъ ни Димосеена, ни моихъ мыслей объ немъ. По твоему мнѣнію между Димосееномъ, Иммереемъ Фалерейскимъ, и Аристониномъ нѣтъ ни какого различія. — Между онымъ, говорю, высокимъ и добродѣтельнымъ Геніемъ и сими низкими людьми, умѣвшими искусно пользоваться замѣшательствами народа, который былъ иногда буренъ и стремителенъ какъ пошокъ, а иногда боязливъ и малодушенъ? Ты почиталъ его подобнымъ Ипериду, сему коварному льстецу народному, дерзнувшему оклеветать Димосеена. Тебѣ извѣстно, какъ сей злонамѣренный человѣкъ посрамленъ въ послѣдствіи. Народъ скоро раскаялся въ несправедливости Димосеену оказанной, его желанія уничтожили приговоръ изгнанія, и возвращеніе Димосеена въ отечество было блистательнѣе возвращенія Алкивіадова. *Арх*. Но развѣ Димосеенъ не довольно показалъ неукротимую вражду свою къ намъ; развѣ не довольно сдѣлалъ, чтобъ принять должное отъ насъ наказаніе, какъ врагъ ненавистнѣйшій? *Ант*. Нѣтъ, съ тобой не согласится

шотъ, для кого вѣрность, твердый и нелицемѣрный характеръ, прямая непорочность поступковъ, драгоценны. Прекрасныя дѣла и въ непріятелѣ прекрасны; и добродѣтель вездѣ почтенна. Я не уступилъ бы въ великодушїи Ксерксу, который даровалъ жизнь и свободу двумъ Лакедемонцамъ изъ удивленїя къ высокимъ ихъ качествамъ. Два раза видѣлъ я въ Аѣинахъ сего великаго вишїю; дарованїя его въ отправленїи дѣлъ приводили меня въ изумленїе; и хотя Писонъ (*), хотя всѣ Аѣинскїе ораторы — дѣти въ сравненїи съ нимъ; но сей необыкновенный, превосходный вишїйства даръ я ставилъ въ споронѣ: Димосеенъ удивлялъ меня высокостїю своихъ чувствъ, проникательностїю, неустрашимостїю души, непоколебимою твердостїю во всѣхъ превратностяхъ и перемѣнахъ щастїя. Мнѣ извѣстно, какъ думалъ объ немъ Филиппъ, имѣвшій столько причинъ ненавидѣть его. Однажды получено извѣстїе о бывшемъ въ Аѣинахъ народномъ собранїи, въ которомъ Димосеенъ говорилъ много на счетъ поступковъ сего государя; и когда при томъ случаѣ Парменїонъ изъявилъ свое негодованїе противъ Аѣинскаго оратора; — то сказала Филиппъ, позволимъ Парменїону Димосеену сїю смѣлость; его качества даютъ ему на то право. Изъ всѣхъ народныхъ ораторовъ Аѣинскихъ онъ одинъ для меня неприступенъ; и мнѣ легче разрушить Византїйскїя стѣны, нежели поколебать его златомъ. Знай, продолжалъ Филиппъ, естли Аѣинянинъ въ народныхъ совѣщанїяхъ предпочитаетъ меня отечеству своему, то сокровища мои ему открыты; но другомъ моимъ онъ никогда быть не можеть. Естли же гражданинъ

(*) Византїйскїй ораторъ державшїйся спороны Филиппа.

ненавидитъ меня изъ любви къ отечеству, съ тако-
вымъ я веду войну, я готовъ вооружиться противъ
него, какъ противъ укрѣпленнаго замка, твердынь и
окоповъ, но душевно удивляюсь его мужественной
добродѣтели, и блаженъ градъ, имѣющій такого
гражданина! Измѣнниковъ отечества, ослѣпившихся
изъ корыстолюбія моимъ златомъ, я охотно пре-
далъ бы гибели не имѣя въ нихъ болѣе нужды; но
приобрѣтеніе вѣрнаго, добродѣтельнаго, краснорѣчи-
ваго челоуѣка, драгоцѣннѣе для меня вспомогатель-
ныхъ всадниковъ Иллирійскихъ и Требаллійскихъ.
Такъ говорилъ онъ къ Парменіону! Въ другой разъ,
когда Аѣиняне отправили войска съ Діопиемъ, Фи-
липпъ замѣтивъ мое безпечное съ улыбкою гово-
рилъ: Антипатръ, ты боишься Аѣинскаго полковод-
ца и войскъ? а мнѣ корабли ихъ, крѣпости и воору-
женія кажутся ничтожными. Что могутъ сдѣлать
люди проводящіе все время въ празднествахъ, всегда
занятые зрѣлищами, и усыпленные приманками ро-
скоши? Повѣрь, если бы не одинъ Димосеенъ пре-
пятствовалъ, то употребивъ хитрость, дѣятель-
ность, золото и силу, я удобнѣе одолѣлъ бы Аѣи-
ны, нежели Беоцію и Фессалію. Но при всеобщемъ
усиленіи онъ одинъ бодрствуетъ, блюдетъ всѣ слу-
чай, тайно слѣдуетъ за всѣми нашими движеніями,
и хитрость отражаетъ хитростію. Наши намѣренія,
предпріятія и совѣщанія не укрываются отъ него.
Онъ одинъ поставилъ непреодолимую преграду бы-
стрымъ успѣхамъ моимъ, и отразилъ ударъ, отъ ко-
торого вся Греція должна была пасть къ ногамъ мо-
имъ. Онъ разгоняетъ глубокой сонъ и бездѣйствіе
своихъ согражданъ противъ ихъ воли; ни мало не
забывая о угожденіи спрашамъ ихъ, рѣшительною

смѣлостію, какъ мудрый врачъ острѣмъ орудія дѣйствуетъ на испорченные или одеревенѣлые члены. Обращаетъ сокровища на военные станы, а не на зрѣлища; сооружаетъ флоты, обновляетъ достоинство опечества, напоминая потомкамъ дѣянія предковъ, ревность воиновъ на сраженіи Мараѳонскомъ и въ бою Саламинскомъ *животъ свой положившихъ*. Сего недовольно — онъ составляетъ договоры, соединяетъ дѣлая обрасши твердымъ союзомъ, внушая мужество противъ Македоніи. Въ немъ воскресли остроумныйThemistocles и мудрый Периклъ, содѣлавшіе имя Аѳинъ шоліко славнымъ. Сего одного надлежитъ бояться. Мы щасливы, что Аѳиняне не вручаютъ полного управленія дѣлъ въ его руки: въ семь случаевъ онъ скоро заставилъ бы насъ защищать собственные предѣлы. Ты помнишь, въ какую опасность *звергнуль* онъ меня при Хероней. Не искусство полководцовъ, не устройство непріятельскихъ войскъ, чудесная благосклонность щасія помогли намъ *восторжесствовашъ* надъ усиліями враговъ; но вообрази страшную пропасть, зѣяшую предъ нами въ *тотъ* день! собравъ всѣхъ городовъ, всей Греціи силы и могущество, онъ принудилъ насъ вступитъ въ бой опасный, и рѣшительный для моей власти и жизни. Даже посольства мои, всегда успѣшныя, возвращаются съ посрамленіемъ, какъ скоро имѣюшъ дѣло съ Димосеевымъ; ибо нельзя торжесествовать надъ всепобѣждающимъ его краснорѣчіемъ. — Такъ думалъ о немъ Филиппъ. Свидѣтельство мудраго Аристотеля еще большую придадо силу сему о немъ мнѣнію. Часто Александру, часто окружавшимъ его, съ удивленіемъ *говорилъ* мудрецъ сей о необыкновенномъ величїи души Димосееновой: „Вы силились ослабить дарами

человѣка, принесшаго на жертвенникъ Отечества, на пользу согражданъ, отеческое наслѣдіе свое? Вы надѣетесь устрашить мужа, давно соединившаго судьбу свою съ участію отчизны? Изъ одной любви къ оной несемъ онъ тяжкое бремя общественныхъ дѣлъ, избравъ сей образъ жизни поприщемъ любомудрія., Такъ Архій, я щастливымъ почелъ бы себя, приобрѣвши въ немъ друга и мудраго совѣтника, столь хорошо знающаго дѣла Греціи. Тебѣ надлежало представитъ ему, сколь неблагодарнымъ гражданамъ жертвовалъ онъ собою; надлежало доказать, что здѣсь нашелъ бы онъ и богатства и благодарность и уваженіе. *Архій.* О Государь! другой можетъ быть легко склонился бы; но любовь Димосеена къ Асинамъ выше всякаго описанія, она доходила до изступленія. *Антипатръ.* Такъ подлинно! но какимъ образомъ онъ скончался? Пріятно знать малѣйшія подробности о послѣднихъ минутахъ великаго человѣка. *Архій.* Онъ находился въ храмѣ Нептуна, приуготоваясь, какъ казалось, заблаговременно встрѣтить свой послѣдній часъ. Мы тщетно старались нѣсколько дней увѣрить его въ швоемъ благорасположеніи: на слова мои отвѣчалъ онъ улыбкою, и острыми шушками насчетъ прежней моей жизни. Потомъ продолжая: не удивительно, сказали, естли Македоняне съ такимъ вѣроломствомъ *овладѣютъ* Димосееномъ, какъ овладѣли Амфиполею, Олинѣомъ и Оропомъ. Предусматриваемая мною мученія со стороны Антипатра, поносная смерть, которой я ожидаю долженъ, поселяютъ во мнѣ ужасъ предъ лицомъ тиранна: но естли слова ваши, общающія мнѣ его милость, справедливы; то мнѣ еще болѣе опасаться должно, чтобы изъ признашельности за дарованную мнѣ жизнь

не быть принужденнымъ измѣнить отечеству, ко-
 кому служилъ во все время безпорочно. Архій! Жизнь
 для меня была бы пріятна, естли бы Геній Аѳинъ
 благопріятствовалъ ей, естли бы отечественныя си-
 лы, крѣпости, стѣны мною воздвигнутыя, народная
 свобода, благородная смѣлость каеэдры, дѣйствія за-
 коновъ, добродѣтели предковъ, знаменитые профей,
 благосклонность согражданъ, часто меня увѣнчав-
 шихъ, неприкосновенное могущество Еллиновъ, мною
 до сихъ поръ сохраненныхъ, могли по прежнему сдѣ-
 лать для меня дни прелесными; естли бы пѣни
 Драконовъ, пѣни Солоновъ и Аристидовъ не упрека-
 ли намъ въ нашемъ горестномъ униженіи. Жизнь да-
 рованная милосердіемъ побѣдителя нестерпима: по край-
 ней мѣрѣ она имѣла бы еще нѣкопорыя прелести,
 когда бы я одолженъ былъ ею великодушію пѣхъ,
 коихъ плѣнниковъ искупилъ, коихъ дочерей выдавалъ
 въ замужество, коимъ облегчалъ тягости обществен-
 ныхъ подаей. Теперь, естли человѣческая власть
 не спасетъ меня отъ вашего насилія, я прибѣгаю
 къ Божеству сего храма; я умоляю его при семъ
 жертвенникѣ о спасеніи, я ожидаю помощи отъ его
 священныхъ законовъ! Но когда и Нептунъ не мо-
 жетъ сохранить неприкосновенности святилища сво-
 его, когда и онъ желаетъ выдать Архію Димосѳена:
 то лучше я умру! но не поклонюсь предъ Антипат-
 ромъ вмѣсто Бога сего. Я прежде могъ бы принять
 сторону Македонянъ, даже теперь участвовать въ
 вашемъ щастіи: естлибъ рѣшился быть подобнымъ
 Каллимедону, Писею, Демаду. Я могъ бы при послѣд-
 нихъ обстоятельствахъ перемѣнить образъ мыслей;
 естлибъ не стыдился дочерей Ерихсея и пѣни без-

смертнаго Кодра (*). Нѣтъ, измѣнишь отечеству вмѣ-
стѣ съ непостояннымъ счастіемъ для меня ужаснѣе
смерти! Архій! Какая честь умереть не обезче-
стивъ себя никакимъ постыднымъ дѣяніемъ! и нынѣ
не буду безславіемъ для Аѳинъ, не изберу доброволь-
но рабства пренебрегши прекраснѣйшее украшеніе
надгробное — имя свободнаго. Архій! тебѣ должно
помнить примѣчательныя въ Трагедіи слова, ты (**)
не долженъ забыть, какъ дѣва, которой слабость мо-
жетъ быть извинительна:

Блѣдна, препенуща, сколь силъ собрать могла,
Одежду подобрать стремится въ утомленіи,

Чтобъ сохранить еще пристойное паденье (***).

Димосеенъ ли забывъ Ксенократа, забывъ бесѣды Пла-
тона о безсмертіи души, предпочтетъ безславную
жизнь честной и славной смерти. "Потомъ съ жаромъ
говорилъ онъ противъ людей ослѣпившихся благопрі-
ятнымъ для нихъ щастіемъ, съ надменностію попира-
ющихъ жертвы жестокаго рока; и когда я то про-
шеніями, то угрозами на него подѣйствовать силился;
„Будучи подобенъ Архію, сказалъ онъ, я устрашился
бы угрозъ твоихъ, но Димосеенъ не забудетъ себя;
извини меня Архій! я не могу быть низкимъ.“ И
тогда наконецъ, тогда сочли мы за необходимое из-
торгнуть его насильно. Димосеенъ примѣшивъ сіе,
смѣялся, казалось, нашему намѣренію, потомъ обра-
тясь къ божеству храма говорилъ: Архій по види-

†с
(*) Такъ и Римскій Димосеенъ говоритъ о себѣ: *Mortem, quam etiam
virgines Athenis, Regis, opinor, Erichtei filiae, pro patria contem-
sisse dicuntur, ego vir consularis tantis rebus timerem? Pro
Sext. cap. 21.*

(**) Архій былъ прежде Трагическимъ Актеромъ.

(***) Смерть Поликсены. Переводъ Мерзлякова.

тому считаетъ за ничто святилище, которымъ я оградилъ себя; ему одни флосы, стѣны и воинства кажутся надежными оградами для смертныхъ! но я, уповаю на священную волю и дѣйствіе боговъ, всю жизнь борясь съ опасностями служилъ отечеству, противился Македонянамъ, не страшился ни Аристогитона, ни Каллимедона, ни самого Филиппа; и нынѣ не страшусь Архія; успокойся, не допущу собою осквернить неприкосновенную святыню Божества, и совершивъ долгъ религіи я добровольно тебѣ послѣдую. Сіи слова Димосеена поселили во мнѣ надежду; и когда онъ приложилъ къ устамъ своимъ руку, я почелъ сіе только за обрядъ богочипанія; но послѣдствія показали совѣтъ другое: въ ту минуту онъ испилъ ядъ, давно приготовленный. Перешедши порогъ храма и взглянувъ на меня: „представъ сіе, сказалъ указывая на шѣло. Антипатру; Димосеена же онъ ни когда не увидитъ! клянусь героями Мараѳонскаго поля. И сіи послѣднія слова произнесъ онъ тихимъ умирающимъ голосомъ. — Такова была, Государь, кончина Димосеенова. *Антипатръ*. Онъ не измѣнилъ себѣ! великая, блаженная душа его не унизила себя и въ послѣднія минуты. Какъ возвышенъ былъ умъ его! какая дѣятельность, мудрость въ управленіи дѣлъ республики. Какое бодрствованіе въ охраненіи свободы отечества! онъ умеръ, онъ конечно обитаетъ теперь въ жилищахъ вѣчнаго блаженства; или вѣчно будетъ сопутствовать Юпитеру благотворящему, какъ благодѣтельный Геній. Но сіи остатки оправимъ въ Аѳины, они будутъ столько же украшать отечество, какъ и герои, падшіе на полѣ Мараѳонскомъ.
